

19. Naidenko, M.K. & Vasilchenko, N.N. & Zhurkov, M.S. Osnovy transformatsii otechestvennoy teatral'noy kul'tury v XXI veke [The foundations of the transformation of domestic theatrical culture in the 19th century]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural life of the South of Russia*. 3 (98). pp. 14–25. DOI: 10.24412/2070-075X-2025-3-14-25
20. Pavlova, O.A. (2005) *Russkaya literaturnaya utopiya 1900–1920-kh gg. v kontekste otechestvennoy kul'tury* [Russian literary utopia of the 1900s–1920s in the context of Russian culture]. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House.
21. Stepun, F.I. (2000) *Sochineniya* [Essays]. Moscow: ROSSPEN
22. Maryina, L.P. & Kochergina, E.S. (2025) Novyye gorizonty teatra: tsifrovyye praktiki i ikh znachenije dlya sovremennogo teatral'nogo iskusstva [New Horizons of Theatre: Digital Practices and Their Significance for Contemporary Theatre Art]. *Upravleniye kul'turoy – Cultural management*. 4 (1). pp. 29–36. <https://doi.org/10.70202/2949-074X-2025-4-1-29-36>
23. kinoafisha.info (2025) *Tsifrovaya revolyutsiya: kak tekhnologii menyayut sovremennyy teatr* [The Digital Revolution: How Technology is Changing Modern Theatre]. [Online] Available from: <https://clck.ru/3RvAYj> (Accessed: 20.02.2026).
24. Erokhina, T.I. & Kukushkina, E.S. Fenomen immersivnogo teatra v sovremennoy otechestvennoy kul'ture [The phenomenon of immersive theatre in contemporary Russian culture]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskij vestnik – Upper Volga Philological Bulletin*. 1 (16). pp. 214–222.
25. Vilisov, V. (2019) *Nas vsekh toshnit. Kak teatr stal sovremennym, a my etogo ne zametili* [We're all sick. How theater became modern without us even noticing]. Moscow: AST.

УДК: 130.2

DOI: 10.24412/2070-075X-2026-1-39-46

Е.М. Орлова

КАРНАВАЛЫ ИТАЛИИ: МЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена анализу итальянского карнавала как формы выражения национальной ментальности. Ритуальные структуры, маски и сценарии рассмотрены через антропологический, семиотический и психоаналитический подходы. Новизна исследования состоит в соединении подхода истории ментальностей и ритуально-семиотического анализа, что позволяет интерпретировать карнавал как комплекс устойчивых ментальных сценариев, выполняющих катарсические и ресоциализирующие функции, а также содержащих в себе возможные риски, требующие культурной регуляции.

Ключевые слова: карнавал, Италия, ментальность, маски, народная культура.

Актуальность темы исследования. Карнавал, являясь одним из наиболее устойчивых и древних феноменов европейской культуры, особенно характерным для Италии, предстает как уникальный пласт коллективных практик, сочетающих игру, ритуал, архетипические структуры и социальную критику. Необходимостью рассматривать его не только как фольклорно-зрелищное явление, но и как значимый механизм отражения коллективной ментальности, связанный с воспроизводством символического порядка и культурной памяти обусловлена актуальность исследования.

М.М. Бахтин писал о том, что карнавал создает «вторую жизнь народа» [1. С. 16], в которой смеховая культура, телесность и переворачивание иерархий позволяют переживать напряжения и кризисы, высвечивают глубинные ментальные установки

общества. На современном этапе в условиях глобализации, роста культурной фрагментации и утраты локальных традиций карнавал становится пространством сохранения национальной идентичности, а также моделью коллективной психосоциальной регуляции. В связи с этим изучение ментальных оснований карнаваловых практик, их региональных особенностей и ритуальных структур приобретает не только теоретическую, но и практическую социокультурную значимость.

Степень научной разработанности проблемы. Под ментальностью в данной работе понимается подвижная совокупность коллективных представлений и границ принадлежности, которая поддерживается нормами и ценностями, структурами культурной памяти и ритуальными практиками. Проблематика ментальности разрабатывалась в трудах Л. Февра [2] и Ж. Ле Гоффа [3], заложивших методологию анализа культурных установок. В отечественной науке исследование менталитета представлено трудами А.Я. Гуревича [4], охарактеризовавшего особенности средневековой картины мира, и Г.Д. Гачева [5], давшего интерпретативное описание национальных ментальностей, а также современными работами, посвященными анализу доминант национальной идентичности итальянцев [6]. Однако рассмотрение проявлений национальной ментальности в структуре и ритуальных практиках итальянских карнавалов, особенно в русскоязычном научном дискурсе, остается фрагментарным: большинство работ посвящено локальным маскам, истории отдельных праздников или театральной традиции. Целостный анализ карнавала как системы ментальных сценариев – инверсии, «суда», смерти / возрождения, катарсиса – практически отсутствует. Таким образом, настоящее исследование направлено на восполнение недостаточной разработанности данной проблематики.

Цель, задачи и предмет исследования. В рассмотрении карнавала как феномена национальной ментальности, с акцентом на функции масок, обрядов, архетипов и смеховых сценариев в традиционной и современной культуре Италии, состоит цель данной статьи. Задачами являются: 1) анализ ритуальных структур карнавала как форм отражения ментальных сценариев; 2) исследование архетипической природы масок; 3) реконструкция ритуальных сценариев «суд – приговор – завещание – похороны» и анализ их катарсической роли; 4) анализ теневых аспектов карнавала и уточнение категории его ментальной экологии. Предметом исследования являются ментальные сценарии и символические коды карнаваловых практик Италии, выражающие национальную ментальность в ее региональных формах.

Научная новизна исследования. Новизна исследования состоит в комплексном соединении подхода истории ментальностей и ритуально-семиотического анализа карнаваловых практик Италии. Данное объединение позволяет рассматривать карнавал как систему устойчивых ментальных сценариев (инверсии, «суда», смерти / возрождения и катарсиса), выполняющих катарсические и ресоциализирующие функции, а также включающих возможные риски, требующие культурной регуляции. Уточнена категория «ментальной экологии карнавала», описывающая его функции психосоциальной регуляции.

Методы и методология исследования. Междисциплинарный подход, включающий методы культурной антропологии, семиотики, психоанализа и исторической герменевтики, составляет методологическую основу исследования. Применение исторического подхода к изучению ментальностей [2; 3] позволяет рассматривать карнавал как исторический документ, воспроизводящий коллективные представления. Маску как знак раскрывает семиотический подход (У. Эко, Ю. Лотман) [7; 8], тогда как архетипическую природу персонажей выявляет психоаналитическая перспектива (К. Юнг, Р. Кайуа) [9; 10].

Источниковая / эмпирическая база. Эмпирическую базу исследования составляют классические теоретические труды, современные публикации, региональные описания карнавалов, включающие визуальные источники, а также собственные наблюдения

автора. Данное сочетание позволяет рассмотреть как структурные элементы карнавала, так и его ментальные функции.

Основная часть. Представляя собой наиболее яркую, древнюю и живую в настоящее время традицию европейской смеховой культуры, особенно в Италии, карнавал является феноменом, выполняющим функции инверсии социальных ролей, повседневных норм и моральных запретов. Это не просто период праздничного разрешения, а пространство, в котором временно разрушается стабильная иерархия мира, чтобы предложить ее символическое «обновление». Согласно концепции М.М. Бахтина, смеховая культура как форма внеофициального народного мировоззрения выражает стремление к свободе, телесности, снятию страха через обрядовый смех [1]. На примере карнавалов в разных регионах Италии можно отметить устойчивую ментальную модель: город или деревня делается сценой, где действуют новые правила. Так, в Венеции маска, позволяя разным сословиям без утраты «лица» сходиться и расходиться, становилась буфером дистанции и близости, институционализируя инверсию и обеспечивая «инкогнито как протокол» [11. С. 129–141]. Приведем пример иллюстрации инверсии статуса и «управляемой» свободы на историческом карнавале в Верресе (Валле-д’Аоста), где разыгрывается эпизод 1450 года, когда графиня Катерина ди Шаллан с супругом вышли на площадь и, публично отменив сословную дистанцию, присоединились к танцу горожан, что представляет собой пример временного снятия установленных иерархий [12]. Инверсию власти в форме контролируемого конфликта можно увидеть на карнавале в Иврее (Пьемонт) в «битве апельсинов», которая символизирует собой народное «восстание» против тирании. Платформы представляют «войско тирана», выступающее против пеших «горожан». Кульминацией действия становятся сжигаемые в финале очистительные костры скарли, которые выполняют функцию социальной разрядки, конвертируя в зрелище и общинный катарсис накопившиеся аффекты [13]. Как ритуальное «выплескивание» карнавал предстает во многих своих региональных вариантах, включающих действия, идентичные с катарсическим очищением, например, бросание муки, воды, конфетти, яиц, земли, цветов, плодов, символических «нечистот» и др. «Выплеском» вытесненного – обиды, гнева, страха перед властью, сексуальной энергии, – выступают подобные действия, а маска и смех становятся инструментами, способствующими социально допустимым формам выражения подобных проявлений. Символические «погребения» масок, персонификации порока и вины, которые осуществляются через сатирическое шествие, публичную пародийную декламацию «завещаний» и сжигание чучела, присущи многим карнавальным действиям. Данный принцип ментальной инверсии содержит в себе глубокую психологическую основу. Он позволяет сообществу переработать социальное напряжение, выразить вытесненные желания, страхи или протест в ритуализованной и контролируемой форме через игру и смех.

Как пространство символического действия, карнавал населен фигурами, которые обладают выраженной архетипической составляющей. Рожденные в коллективном воображении, эти персонажи / маски выполняют глубоко ментальные, а не только развлекательные функции, помогая визуализировать потребности, страхи, агрессию и ожидания. Арлекин, Бригелла, Пульчинелла, Капитан, Доктор Баланцоне – одни из наиболее знаковых масок итальянского карнавала. Так, лишенный стабильной идентичности Арлекин (фигура трикстера) находится как бы между мирами и обладает способностью к трансформации. Символом цикличности, торжества плутовства над законом и вытеснения смерти является Пульчинелла, который вечно неуязвим и обладает способностью возвращаться после «смерти». Его жизненный цикл (рождение, суд, казнь, погребение) представляет основные этапы карнавальной смерти / возрождения. На то, что маска является не просто образом, а обобщенной проекцией страха, желания или высмеивания определенного типа, указывает в своих работах Л. Валериано, отмечая, что маска в итальянских традициях часто имела мифопоэтическую основу [14]. Нали-

чие масок в ритуальных структурах карнавала придает празднику катарсический, коммуникативный и идентификационный потенциал. Приведем здесь структурные плюсы уникального карнавала в Сатриано ди Лукания (Базиликата), с его архаикой возрождения и образом Румита («человека-дерева» – молчаливого посланца леса), который, «впуская» природный цикл и память земли, стучится в двери домов. Рядом, как вегетативная сила присутствуют такие персонажи, как Медведь и Кварезима (Пост) [15]. Интересен также образ Роллате (альпийский демон) на карнавале в Саппаде (Фриули-Венеция-Джулия), который предстает неким тяжелым «звуковым» телом с коровьими колокольчиками, метлой и платком, имеющим свой цветовой код (белый / красный – холост / женат). Он выступает как «метущий» трикстер, маркирующий статусы и границы [16].

Являясь не только визуальным и телесным действием, карнавал представляет собой еще и глубоко структурированную драму, которая имеет устойчивые ментальные роли и повторяющийся нарратив. Смерть и возрождение, изгнание зла, осмеяние власти, символическое очищение – данные сценарии являются своего рода ритуальными драмами, где архетипы находят свое непосредственное воплощение. В таких ритуалах маска может символизировать как подлежащего изгнанию «виновного», так и «духа покровителя». Например, персонажи типа Уомо Сельватико («Дикий человек»), распространенного в альпийских долинах Пьемонта, или лу'Мбриаке («Пьяница») из Абрुццо, нередко олицетворяют дикость, которую необходимо изгнать из общины. Приведем пример изгнания зла через огонь на карнавале в Понт-Сен-Мартене (Валле-д'Аоста), где, обыгрывая легенду о демоне-строителе и святом Мартине, под аркой римского моста сжигают «дьявола». Огонь, таким образом, оформляет коллективный переход от «хаоса» к «норме» [17].

Финал итальянского карнавала является его одним из ключевых моментов, который состоит в символическом «погребении» персонажа карнавала, обычно представленного в виде чучела или маски. Этот акт часто содержит элементы театрализации, траура, юмора, пародии и народной поэзии. Финальные «завещания» и костры, «похороны» карнавала, «смерть» и возрождение структурируют в предсказуемые ритуальные развязки коллективную травму. Как отмечал А. Адемолло, финал карнавального цикла в Риме представал в форме фунерали карнавала – символических «похорон» карнавала, иногда с процессией, которым также сопутствовало чтение тестаменто карнавала — пародийного «завещания» карнавала, что соответствует общей композиции финала: «судебный процесс», «приговор», чтение «завещания» и «похороны» карнавала [18. С. 13]. Восходящая к античным праздникам, подобная архетипическая модель жертвоприношения предполагает через изгнание накопленного зла, символически сосредоточенного в фигуре карнавала, ритуальное очищение. Отметим также сардинские «похороны излишка» на карнавале в Мамояде, где смерть короля карнавала Юванне Мартис Серо – чучела со спрятанной внутри винной бочкой – оплакивается песнями на сардинском диалекте и символизирует собой прощание с плотским избытком [19].

«Инверсивный суд», включающий символические процессы над провинившимися персонажами, воплощающими различные пороки или нарушающими правила, – частый элемент карнавальных действий. Таким примером может служить публичное высмеивание, как в комедии дель арте, или «народный трибунал», на котором маски осуждают «виновных», а после, следуя парадоксальной логике, даруют им прощение. Данный механизм описан в концепции М.М. Бахтина как снятие страха через смех. Таким образом, через пародийное очищение происходит коллективная ресоциализация. Приведем здесь сценарий «смерти – искупления» на карнавале в Ченто (Эмилия-Романья), который завершает свой цикл сожжением маски Тази, что символизирует собой моральную притчу о выборе и наказании. В то время параллельным ходом как инверсия дефицита с платформ идет «дождь подарков» [20].

Социальная и гендерная мимикрия в карнавале проявляется в способности временно, в ритуальной и контролируемой форме «размывать» или «отменять» нормативные границы. Подобная трансформация одновременно служит и критике, и освобождению, и через временное нарушение нормы способствует ее ритуальному закреплению. Так венецианская маска ньяга пародирует женский образ, а моретта, овальная женская маска без рта, крепящаяся прикусыванием пуговицы с обратной стороны, сочетает в себе символическое «молчание» и свободу передвижения. В уже упомянутом нами альпийском карнавале Саппады (Фриули-Венеция-Джулия) центральная маска Роллате с ее древней демонической функцией соседствует с классовым кодированием праздника. Так, отдельные воскресенья посвящены Петтлар («беднякам») и Херн («господам») – персонажам, чьи названия восходят к германскому диалекту саппадской общины. Смена ролей и гротеск Роллате (дубовая маска, колокольчики, метла-хлыст) артикулируют социальную инверсию статусов как коллективную «пробу» другого порядка [16]. Социальную сатиру как мимикрию власти демонстрирует карнавал в Виареджо (Тоскана), который превращает в гигантские карикатурные платформы образы политических лидеров, подвергая сильных мира «временному разоблачению» [21]. Благодаря данным механизмам карнавал становится пространством пересборки социальных ролей и публичного анализа.

Говоря о ментальной экологии карнавала, отметим, что на протяжении своей многовековой истории он выполняет важнейшую психосоциальную функцию, заключающуюся в коллективной проработке кризисов, напряжений и эмоций. Однако, отметим и негативные в ментальном отношении стороны карнавала, связанные с пределами и рисками карнавальная разрядки. Карнавал амбивалентен. Открывая краткие периоды анонимии, состояние коллективного возбуждения может способствовать не только сплочению, но и размытию нормативных рамок [22]. По Р. Кайуа, такие типы игры, как мимикрия и илинкс (маска, головокружение, опьянение), усиливают расторможенность, импульсивность, игнорирование социальных норм и понижают порог самоконтроля [10]. Как маркер излишка и «материала» для последующего очищения, избыток, включая алкоголь, в ряде локальных обрядов встроен в сам сценарий карнавала. В результате анонимность маски и смеховая «разрешенность» способны высвободить избыточные, агрессивные импульсы, что отмечается и в итальянских обсуждениях роли маски не только как средства коммуникации в его позитивном аспекте, но и как инструмента насилия под прикрытием [14; 18]. Этим обуславливаются выработанные с ходом истории правовые нормы и чрезвычайные наказания за преступления, совершенные в маске.

Принадлежали к амбивалентным спутникам карнавала и алкогольная экзотика, и уличная агрессия, шарлатанство и мошенничество, основанные на анонимности и временной «вненормативности» праздника. В совокупности эти факторы указывают на то, что карнавальная экология аффектов нуждается в сильных культурных «предохранителях» (устойчивых традиционных нормах и ценностях, локальных кодексах, ритуалах финальной утилизации напряжения, маршрутизации потоков), которые ограничивают потенциальный переход карнавальная разрядки и инверсии в различные формы девиантного поведения. Ментальную экологию в связи с этим можно описать как систему особых ритуальных практик, которая через игру, символическую инверсию, смех и телесность способствует эмоциональному равновесию.

Выполняя функцию переживания в условиях фрагментации общества, урбанизации и глобализации, карнавал в своем позитивном аспекте выступает как форма культурной ресоциализации и укрепления общинных связей. Он позволяет «вспомнить себя» в художественном пространстве народных традиций.

Таким образом, карнавальная традиции Италии предстают не только элементом праздничной культуры, но и выражением глубинных ментальных структур общества.

Объединяя механизмы смеховой критики, инверсии, телесной свободы и архетипической драматургии, карнавал формирует устойчивые сценарии коллективного переживания (инверсию, «суд», смерть / возрождение, очищение и катарсис). Инструментом символического обновления, социальной трансформации и психологической проекции в этой системе становится маска, обретая роль ключевого элемента ритуальной коммуникации.

Как механизм ментальной экологии, карнавал перерабатывает страхи, напряжения и конфликты, возвращает общество к осознанию его «тени», к нормативному порядку через ритуалы завершения, создает пространство для культурной идентификации. Он предстает как амбивалентное единство разрушения и обновления, как социальная технология доступа и дистанции, что требует соответствующей культурной и правовой регуляции.

Теоретическая значимость исследования состоит в определении карнавала как формы выражения национальной ментальности, а также в уточнении категории его ментальной экологии. Практическая значимость определяется возможностью применения результатов в музейной и фестивальной практике, культурной политике регионов и интерпретации современных форм праздничной культуры.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с изучением трансформации карнаваловых практик в условиях современной цифровой культуры, анализом его роли как механизма ментальной регуляции и устойчивости в эпоху социальных кризисов.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2021. 640 с.
2. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. 376 с.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 349 с.
5. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2008. 541 с.
6. Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев: автореферат дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. 46 с.
7. Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Симпозиум, 2006. 408 с.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 703 с.
9. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Канон+, 2018. 335 с.
10. Кайуа Р. Игры и люди: статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ., 2007. 302 с.
11. Johnson J.H. Venice Incognito: Masks in the Serene Republic. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2011. 304 p.
12. Карнавал Веррес. История. URL: <https://www.carnevaleverres.it/la-storia/> (дата обращения: 08.01.2026). (На итал. яз.).
13. Исторический карнавал в Ивреа. Битва апельсинов. URL: <https://www.storicocarnevaleivrea.it/en/chi-siamo/il-carnevale/battaglia-delle-arance/> (дата обращения: 08.01.2026). (На итал. яз.).
14. Валериано Л. Италия в маске: путешествие среди масок и народных традиций. Рим: Де Феррари, 2012. 126 с. (На ит. яз.).
15. Карнавал Сатриано ди Лукания. URL: <https://www.carnevaledisatriano.it> (дата обращения: 08.01.2026). (На итал. яз.).
16. Карнавал Саппада Доломиты. URL: <https://www.sappadadolomiti.com/> (дата обращения: 08.01.2026). (На итал. яз.).

17. Исторический карнавал Понт-Сен-Мартен. Легенды. URL: <https://www.carnevalersm.it/leggende.asp> (дата обращения: 08.01.2026). (На итал. яз.).
18. Адемолло А. Карнавал Рима в XVII–XVIII веках: исторические заметки и документы. Рим: Изд-во А. Соммаруга, 1883. 144 с. (На итал. яз.).
19. Музей средиземноморских масок (Мамояда). URL: <https://www.sardegnaturismo.it> (дата обращения: 08.01.2026). (На итал. яз.).
20. Карнавал Ченто — Карнавал Европы. URL: <https://www.carnevalecento.com> (дата обращения: 08.01.2026). (На итал. яз.).
21. Карнавал в Виареджо. URL: <https://viareggio.ilcarnevale.com> (дата обращения: 08.01.2026). (На итал. яз.).
22. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. М.: Свободная пресса, 1996. 512 с.

Carnivals in Italy: mental aspects

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2026, 1 (100), 39–46
DOI: 10.24412/2070-075X-2026-1-39-46

Ekaterina M. Orlova, A.G. Schnittke Moscow State Institute of Music (Moscow, Russian Federation). E-mail: katrinorlova@inbox.ru

Keywords: carnival, Italy, mentality, masks, folk culture.

This article is devoted to the study of the Italian carnival as a form of expression of national mentality, manifested in ritual structures, masks, and scenarios. The relevance of this study is due to the insufficient consideration of carnival as a mental phenomenon: existing works focus on historical-ethnographic or folkloric aspects, while the role of carnival in the structure of cultural memory and collective representations has been studied only fragmentarily.

The subject of the study is the mental scenarios and symbolic codes of Italian carnival practices that express the national mentality in its regional forms. The aim of the article is to examine carnival as a mechanism of national mentality, with a particular emphasis on the functions of masks, rituals, archetypes, and laughter scenarios. The article examines masks and rituals as archetypal figures associated with the collective unconscious, considers social and gender mimicry, as well as the ‘dark sides’ of carnival and historically established mechanisms of control.

An interdisciplinary approach, including methods of cultural anthropology, semiotics, psychoanalysis, and historical hermeneutics, forms the methodological basis of the study. The empirical basis of the study consists of classical theoretical works, contemporary publications, regional descriptions of carnivals, including visual sources, as well as the author’s own observations.

The novelty of the study lies in combining the approach of the history of mentalities and ritual-semiotic analysis, which allows interpreting carnival as a complex of stable mental scenarios that perform both cathartic and resocialising functions and contain possible risks requiring cultural regulation.

References

1. Bakhtin, M.M. (2021) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Rabelais and His World]. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.
2. Febvre, L. (1991) *Boi za istoriyu* [Fighting for History]. Moscow: Science.
3. Le Goff, J. (1992) *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The Civilization of the Medieval West]. Moscow: Progress.

4. Gurevich, A. Ya. (1984) *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Art.
5. Gachev, G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of the Peoples of the World]. Moscow: Algorithm; EKSMO.
6. Shevlyakova, D.A. (2011) *Dominanty natsional'noy identichnosti ital'yantsev* [Dominants of National Identity of Italians]. Abstract of Doctoral Diss. in Cultural Studies. Moscow.
7. Eco, U. (2006) *Otkrytoe proizvedenie* [The Open Work]. St. Petersburg: Symposium.
8. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg: Art-SPB.
9. Jung, C.G. (2018) *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Moscow: Kanon+.
10. Caillois, R. (2007) *Igry i lyudi; Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Man, Play and Games; Essays on Cultural Sociology]. Moscow: OGI.
11. Johnson, J.H. (2011) *Venice Incognito: Masks in the Serene Republic*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
12. Carnevaleverres.it (2026) *Karnaval v Verresse. Istoriya* [Carnival of Verres: History]. Available from: <https://www.carnevaleverres.it/la-storia/> (Accessed: 08.01.2026). (In Italian).
13. Storicocarnevaleivrea.it (2026) *Istoricheskiy karnaval v Ivree. Bitva apel'sinov* [Historical Carnival of Ivrea: Battle of the Oranges]. Available from: <https://www.storicocarnevaleivrea.it/en/chi-siamo/il-carnevale/battaglia-delle-arance/> (Accessed: 08.01.2026). (In Italian).
14. Valeriano, L. (2012) *Italiya v maske: puteshestvie sredi masok i narodnykh traditsiy* [Italy in Masks: A Journey Through Masks and Folk Traditions]. Rome: De Ferrari. (In Italian).
15. Carnevaledisatriano.it (2026) *Karnaval v Satriano di Lukaniya* [Carnival of Satriano di Lucania]. Available from: <https://www.carnevaledisatriano.it> (Accessed: 08.01.2026). (In Italian).
16. Sappadadolomiti.com (2026) *Karnaval Sappada Dolomity* [Sappada Dolomites]. Available from: <https://www.sappadadolomiti.com/> (Accessed: 08.01.2026). (In Italian).
17. Carnevalepsm.it (2026) *Istoricheskiy karnaval Pont-Sen-Marten. Legendy* [Historical Carnival of Pont-Saint-Martin. Legends]. Available from: <https://www.carnevalepsm.it/leggende.asp> (Accessed: 08.01.2026). (In Italian).
18. Ademollo, A. (1883) *Karnaval Rima v XVII–XVIII vekakh: istoricheskie zametki i dokumenty* [The Carnival of Rome in the 17th–18th Centuries: Historical Notes and Documents]. Rome: A. Sommaruga. (In Italian).
19. Sardegnaturismo.it (2026) *Muzej sredizemnomorskikh masok (Mamoyada)* [Museum of Mediterranean Masks (Mamoiada)]. Available from: <https://www.sardegnaturismo.it> (Accessed: 08.01.2026). (In Italian).
20. Carnevalecento.com (2026) *Karnaval Chento — Karnaval Evropy* [Cento Carnival of Europe]. Available from: <https://www.carnevalecento.com> (Accessed: 08.01.2026). (In Italian).
21. Viareggio.ilcarnevale.com (2026) *Karnaval v Viaredzho* [Carnival in Viareggio]. Available from: <https://viareggio.ilcarnevale.com> (Accessed: 08.01.2026). (In Italian).
22. Durkheim, E. (1996) *Elementarnye formy religioznoy zhizni* [The Elementary Forms of Religious Life]. Moscow: Free press.

